

Путь гнева

От «Вед» к «Панчатанатре»

Никогда еще внутренний двор дворца Хастинапуры не вмещал стольких гостей. Они шли со всех концов царства, привлеченные вестью, что состоится состязание именитых лучников, царевичей Пандавов и Кауравов. Были заполнены все четыре ряда скамей. Хромой старец, явившийся позднее других, тщетно обходил ряды в поисках свободного места.

Внезапно прозвучал удар гонга, и из-за багрового полога, скрывавшего вход, вышла толпа царевичей, пятеро Пандавов и сто Кауравов в роскошных одеяниях, украшенных золотом и драгоценными камнями. Впереди всех шагал широкоплечий муж с высоким лбом мудреца. Это был Дрона («Ковш»), выросший от семени мудрейшего из мудрых в деревянном ковше и от ковша получивший свое имя. Приглашенный во дворец царем, он обучал царевичей всему, что знал и умел. Благодаря Дроне они стали лучшими лучниками во всем царстве.

Оглянувшись, Дрона окинул орлиным взглядом своих питомцев. При виде шедшего первым взгляд могучего воина потеплел. Арджуна был его любимцем. Дрона обещал, что не будет в целом мире равного ему держателя лука, и выполнил свое слово. Ведь все в Хастинапуре знали о недавнем случае в лесу, когда Арджуну обляял какой-то пес, не иначе ракшас, принявший обличье собаки. Арджуна выпустил в пасть трясущегося от злобы пса семь стрел одну за другой. Однако удивительнее всего было то, что пес от этого не подох, а побежал в город со стрелами в пасти, словно бы для того, чтобы все могли убедиться в необыкновенной меткости победителя. Об этом и других чудесах искусства Арджуны рассказывали по всей Индии, и большинство зрителей было привлечено на состязание именно ими.

Гости шумно приветствовали Арджуну и его наставника. Хромой старец, так и не отыскавший себе места, хлопал в ладоши неистовее других. Но выкрикивал он нечто несообразное:

— Слава царевичу Арджуне! Но пусть его победит сильнейший!

Этот странный выкрик стал понятен, когда из ряда зрителей выступил юноша и, подойдя к Дроне, сказал:

— Я готов состязаться с Арджуной.

Люди, вскочив с мест, окружили незнакомца. Он был в небогатом плаще, топорщившемся от одетого под ним панциря. Длинные черные волосы спускались волнами на могучие плечи. Но они не могли скрыть золотых серег в ушах, сверкавших как два маленьких солнца.

— Посмотрите на этого наглеца! — слышались возмущенные голоса. — Он посмел бросить вызов самому Арджуне.

— Сядь на место! — сказал Дрона юноше. — Ты, я вижу, простолюдин, а здесь царевичи и кшатрии.

— Но я искуснее Арджуны, — с достоинством возразил юнец. — И готов это доказать.

— Откуда ты взялся? — возопил оскорбленный наставник лучников. — Кто ты такой?

Юноша отвесил Дроне низкий поклон.

— Я — Карна.

— Ну и что из того! — не успокаивался Дрона. — Как бы тебя ни звали, ты не можешь быть искуснее того, о ком я сказал, что не будет в мире стрелка лучше, чем он.

— Прости меня, могучий воин, — юноша поклонился еще раз. — Я не хотел тебя оскорбить. Но ведь я не был твоим учеником, и ты не можешь сравнивать меня с Арджуной. Победителя покажут не слова, а лук со стрелами.

— Да, но ты не царевич, — вмешался в разговор Арджуна. — По нашим законам с царевичем может состязаться ему равный.

Юноша опустил голову. Против этого довода ему нечего было возразить. Назвавшийся Карной резко повернулся и зашагал к выходу.

— Остановись! — слышался громовой голос Дурьод-ханы, ненавистника Пандавов. — Да, ты не царевич, но я тебя сделаю царем. Слуги, передайте этому юноше корону. Теперь ты, Карна, — царь Анги.

Наступило замешательство. Такого исхода спора решительно никто не ожидал. Между тем слуги надели на голову растерявшегося юноши золотую корону, но и она не смогла затмить блеска золотых серег.

Первым молчание нарушил Дурьодхана, обратившийся к Дроне:

— Скажи, знающий законы, может ли теперь Карна состязаться с Арджуной?

— Теперь может, — отозвался Дрона.

Арджуна, пожав плечами, вышел на линию, образованную вкопанными в землю белыми камнями. Карна стал с ним рядом, выставив вперед правую ногу. Слуги почтительно подали одинаковые луки и колчаны со стрелами. Стало так тихо, что можно было услышать трепетание крыльев бабочек, порхавших над зеленью луга. И в это время, ковыляя, к Карне кинулся старец. Прижимая голову юноши к бороде, он проговорил:

— Мой сын! Теперь ты царь, и я горжусь тобою. Белое лицо Карны склонилось от стыда, как увядающий лотос. Он догадался, что сыном назвал его возничий Адхиратха, супруг воспитавшей его в сельской глуши приемной матери Радхи. С ее слов Карна знал, что Адхиратха выловил его, бывшего младенцем, в реке и принес приемной матери. Уже тогда на нем был неснимаемый панцирь и золотые серьги в ушах. Эти знаки благородного происхождения росли вместе с мальчиком, делая его неуязвимым. Но они не помогли ему открыть тайну своего происхождения и найти родителей. А теперь все знают, что он, Карна, сын простого возничего.

Швырнув лук на землю, Карна бросился бежать. В открытом поле, утомившись, он остановился и увидел столб пыли, услышал шум шагов.

— Куда же ты бежишь, повелитель Анги! — еще издали кричал Дурьодхана.

И только тогда Карна поднял руку и нащупал на голове золотую корону, о которой забыл.

Приблизившись, Дурьодхана спросил:

— А верно ли, что ты в стрельбе из лука искуснее Арджуны?

— Да, это так, — ответил Карна.

У Дурьодхана глаза загорелись мрачным блеском.

— Тогда ты должен мне помочь убить Арджуну и его братьев. И я стану царем Хастинапура. Поклянись, что будешь моим другом и союзником.

Карна поднял голову. Сурья стоял в зените, меча на землю свои прямые, как правда, не дающие промаха золотые стрелы.

— Клянусь! — сказал юноша, протягивая руку.

И не признался Сурья, что он отец Карны, не удержал его от вражды с братьями Пандавами, от дхармы гнева.